

Критика о творчестве М. И. Цветаевой

Н. Гумилев

Марина Цветаева внутренне талантлива, внутренне своеобразна. ...Многое ново в этой книге: нова смелая (иногда чрезмерно) интимность; новы темы, например, детская влюбленность; ново непосредственное, бездумное любование пустяками жизни. И, как и надо было думать, здесь инстинктивно угаданы все главнейшие законы поэзии, так что эта книга не только милая книга девических признаний, но и книга прекрасных стихов.

(Из рецензии на сборник М. Цветаевой «Вечерний альбом»)

М. Волошин

Ее нужно читать подряд, как дневник, и тогда каждая строчка будет понятна и уместна. Она вся на грани последних дней детства и первой юности. Если же прибавить, что ее автор владеет не только стихом, но и четкой внешностью внутреннего наблюдения, импрессионистической способностью закреплять текущий миг, то это укажет, какую документальную важность представляет эта книга, принесенная из тех лет, когда обычно слово еще недостаточно послушно, чтобы верно передать наблюдение и чувство... «Невзрослый» стих М. Цветаевой, иногда неуверенный в себе и ломающийся, как детский голос, умеет передать оттенки, недоступные стиху более взрослому... «Вечерний альбом» — это прекрасная и непосредственная книга, исполненная истинно женского обаяния.

(Из статьи «Женская поэзия»)

М. Шагинян

...Все, что она пишет, ценно по-настоящему, это самая настоящая поэзия. ...Радует отсутствие риторики, обдуманность и самостоятельность в выборе тем; почти удивительно для начинающего поэта отсутствие заметного влияния модернистов. Видна хорошая поэтическая школа, и при всем том нет ни заученности, ни сухости наших молодых поэтов, излишне школьничающих после неумеренного попраания авторитетов. ...Марина Цветаева не скреживала шпаг, не заимствовала, не мерилась и не боролась ни с кем... Достаточно сознательная и блестяще вооруженная, она, не борясь ни с чем, готова на всякую борьбу. Этим определяется ее поэтическая ценность.

Если и есть что в книге от молодости, даже более — от юности автора, так это именно крайняя интимность «Вечернего альбома». ...Ни одно имя не скрыто автором, ни одна домашняя подробность стиха не затушевана. И надо сознаться, что в этом есть свое обаяние, подобно ревнивому и внушающему ревность обаянию чужих писем... чужих дневников и записок. ...Марина Цветаева создала... особый вид лирики, самоинтимный, односущный. ...Пишет она, как играют дети, — своими словами, своими секретами своими выдумками. И это неожиданно мило.

...Цикл «Любовь» характерен... нежностью и женственностью... У Цветаевой есть свой взгляд на стихию страсти, чрезвычайно тонкий и интересный. ...Как много обдуманного, даже воинственно женского в мыслях Цветаевой о страсти... ее позиция — вечная осознанная женственность.

(Из статьи «М. Цветаева»)

П. Антокольский

В ее ранних стихах рисуется облик счастливого, одаренного существа — вчерашняя школьница с широко раскрытыми на весь белый свет глазами. Доверие ее к жизни безоглядно. ...Основной тон этих стихов, даже и не тон, а музыка... непрерывное чувство жизни как дарованного на короткий срок счастья. ...А между тем поэт растет. Марина утверждает свое право на особое мнение во всем, на любовь, непохожую на чувства других людей, право на пристрастие и прихоть... Так возникает лирическая героиня. Кто же она — своенравная, безоглядная в каждом мимолетном чувстве, в порыве, резкая, безудержная, откровенная.

...Непосредственно связаны ее стихи с жизнью, С только что пережитым. Живая ткань, стенограмма, Кардиограмма. ...Ее ранняя лирика густо населена. Кого только не найдешь в этих прихотливо сменяющих друг друга коротких стихотворных повестях, притчах, новеллах, сценках, песнях! Тут и «вы, идущие мимо меня»... и слепцы — калики переходящие, бредущие по старой Калужской дороге, и Александр Блок, и Анна Ахматова, и солдаты первой мировой, и Манон Леско со своим суженым Де Грие, и Стенька Разин со своей Персияночкой, и цыганы... Это странное разноголосное и разношерстное общество теснится на книжных страницах, переходя из строфы в строфу, из цикла в цикл... За всем этим стоит избыток молодого дарования, его богатый улов и добыча!

...У каждого искреннего и глубокого поэта существует свой образ пространства и времени, свое стихийное и органическое чувство этих двух первоначальных феноменов познания мира и самосознания. ...Счеты Марины Цветаевой с пространством и временем прежде всего нележки. Чем старше становилась она, чем горше складывалась ее эмигрантская жизнь, тем ярче и резче проступает в ее лирике мощный образ навсегда утерянной, никогда не достижимой дали, образ времени, его роковой необратимости. ...Зрелое творчество Марины Цветаевой поражает широко распахнутым кругозором, грандиозной протяженностью, пространственной и временной:

Поэт — издалека заводит речь.

Поэза — далеко заводит речь.

...Марина Цветаева на редкость памятьлива, недаром ее сознание так перегружено ассоциативными связями — тем, что в литературоведении обыкновенно называется «реминисценциями»: история, сказка, миф, образ чужого, издавна полюбленного творчества. ...Она чувствовала себя как дома и в античном мифе, и в библейском предании, и в шекспировской трагедии, и в немецкой народной сказке, а в музыке Бетховена, Моцарта, Баха — с особой свободой.

...Испокон веков женская сущность глубже и ярче всего проявляется в любовной лирике. Марина Цветаева не исключение. Ее поэзия на редкость богата в этом отношении. Любовь счастливая и несчастная, разделенная и отвергнутая, мимолетная и пожизненная, целомудренная и страстная, разлука, ревность, отчаяние, надежда — вся хроматическая гамма любовных взаимоотношений... О чем бы ни писала, ни говорила Марина Цветаева, где-то рядом с темой первого плана подразумевается, затаенно дышит, а то и заглушает все остальное любовная радость или любовная тоска. ...Когда же она впрямую говорит о своей любви, когда сама любовь диктует ей открыто, — голос Марины приобретает заклинающую и колдовскую силу.

(Из статьи «Современники. Марина Цветаева»)

М. Осоргин

Марина Цветаева — поэт интересный... по-моему, она — среди поэтов живых, творящих, идущих, способных к движению, не топчущихся на месте и не робких — лучший сейчас поэт. ...Марина Цветаева — величайший искусник и изумительный мастер стиха. ...Умеющего читать поэзия Марины Цветаевой волнует и будоражит то ритмом пляшущего каблучка, то тонкой паутиной любовного кружева. Откуда она, русская, так

владеет кастаньетами? Или это — ладоши? Любовное же в ней прозрение — одаренность женщины. ...Поэзия Марины Цветаевой — женская, но в отличие от Анны Ахматовой она не поэтесса, а поэт. Читающий да понимает. ...Марина Цветаева — наш прекрасный русский поэт. У нее уже много в прошлом и, я уверен, еще больше в будущем.

(Из статьи «Поэт Марина Цветаева»)

Г. Адамович

...Стихи Цветаевой... излучают любовь и любовью пронизаны. Они рвутся к миру и как бы пытаются заключить весь мир в объятия. Это — их главная прелесть. Стихи эти написаны от душевной щедрости, от сердечной расточительности. ...Марина Цветаева истинный и даже редкий поэт... есть в каждом ее стихотворении единое цельное ощущение мира, т. е. врожденное сознание, что всё в мире — политика, любовь, религия, поэзия, история, решительно всё — составляет один клубок, на отдельные источники не разложимый. Касаясь одной какой-нибудь темы, Цветаева всегда касается всей жизни.

(Из рецензии на сборник «После России»)

В. Ходасевич

Из современных поэтов Марина Цветаева — самая «неуспокоенная», вечно меняющаяся, непрестанно ищущая новизны: черта прекрасная, свидетельствующая о неизменной живучести, о напряженности творчества. ...Она — созерцатель жадный, часто зоркий и всегда страстный. ...Ее поэзия насквозь эмоциональна, глубоко лирична даже в ее эпических опытах. Эмоциональный напор у Цветаевой так силен... что автор словно едва поспевает за течением этого лирического потока. Цветаева словно так дорожит каждым впечатлением, каждым душевным движением, что главной ее заботой становится закрепить наибольшее число их в наиболее строгой последовательности, не расценивая, не отделяя важного от второстепенного, ища не художественной, но скорее психологической достоверности. Ее поэзия стремится стать дневником.

(Из рецензии на сборник «После России»)

М. Слоним

Трагическая муза Цветаевой всегда идет по линии наибольшего сопротивления. Есть в ней своеобразный максимализм, который иные назовут романтическим. Да, пожалуй, это романтизм, если этим именем называть стремление к пределу крайнему и ненависть к искусственным ограничениям — чувств идей, страстей. ...Настоящая жизнь для нее всегда вне этого мира. Ее творчество не только постоянный «бег», как сама она его определила, но и порыв — от земного, в прорыв — в какую-то истинную реальность. ...Стихи и в самом деле полны такой подлинной страсти, в них такая, почти жуткая насыщенность что слабых они пугают — им не хватает воздуха на тех высотах, на которые влечет их бег Цветаевой.

(Из рецензии на сборник «После России»)

И. Бродский

...Постольку, поскольку литература является лингвистическим эквивалентом мышления, Цветаева, чрезвычайно далеко заведенная речью, оказывается наиболее интересным мыслителем своего времени.

...Цветаева — поэт чрезвычайно искренний, вообще, возможно, самый искренний в истории русской поэзии. Она ни из чего не делает тайны, и менее всего — из своих эстетических и философских кредо, рассыпанных в ее стихах и прозе с частотой личного местоимения первого лица единственного числа.

...Формально Цветаева значительно интереснее всех своих современников, включая футуристов, и ее рифмовка изобретательней пастернаковской. Наиболее ценно, однако, что ее технические достижения продиктованы не формальными поисками, но являются побочным — то есть естественным — продуктом речи, для которой важнее всего ее предмет.

...Цветаева-поэт была тождественна Цветаевой-человеку; между словом и делом, между искусством и существованием для нее не стояло ни запятой, ни даже тире: Цветаева ставила там знак равенства. Отсюда следует... что развивается не мастерство, а душа...

До какого-то момента стих выступает в роли наставника души; потом — и довольно скоро — наоборот.

...Она совершила нечто большее, чем не приняла Революцию: она ее поняла. Как предельное — до кости — обнажение сущности бытия.

...В стихотворениях Цветаевой читатель сталкивается не со стратегией стихотворца, но со стратегией нравственности; пользуясь ее же собственным определением — с искусством при свете совести. От себя добавим: с их — искусства и нравственности — абсолютным совмещением.

...Сила Цветаевой — именно в ее психологическом реализме, в этом ничем и никем не умиротворяемом голосе совести...

(Из статей о Марине Цветаевой)

Р. Рождественский

В ее стихах — с самого начала — торжествовал максимализм чувств и нравственных критериев. А еще была могучая былинность, простор, почти родниковая свежесть. ...Марина Цветаева была воительницей по натуре, и поэтому любое ее стихотворение всегда конфликтно.

...Даже самые «личные», сугубо лирические ее стихи в основе своей — спор. Постоянный спор с собой, с другими людьми, спор с прошлым и настоящим, спор с мечтой и надеждой.

(Из статьи «Стихам — быть всегда!»)

А. Михайлов

Судьба Марины Цветаевой заставляет вспомнить строки Лермонтова: «Что без страданий жизнь поэта?/ И что без бури океан?» ...Трудно себе представить другого поэта, который бы с такою фанатической убежденностью возвысил надо всем творческое одушевление, как это сделала Марина Цветаева. ...Но не только, конечно, преданность поэзии давала Цветаевой силу преодолевать тяжкие обстоятельства жизни. ...Она в какой-то мере воплотила в себе многие черты русского национального характера, те его черты, которые прежде сказались в Аввакуме, с его гордыней и полным презрением к бедам и напастям, и в литературном уже образе Ярославны, всю страсть души отдавшей любви... Истоки ее характера — в любви к родине, к России, к русской истории, к русскому слову. ...Она выстрадала эту любовь. И не поступилась ею, не поступилась своею гордостью, своим поэтическим достоинством, святым, трепетным отношением к русскому слову.

(Из статьи «О Марине Цветаевой»)

А. Турков

«Письменный верный стол» для Цветаевой — нечто вроде сказочного коня, выручающего хозяина из любых бед и переделок. Обостренная ответственность перед своим «ремеслом», перед словом — привлекательнейшая черта размышлений Цветаевой о поэзии. ...Цветаева беспощадно требовательна и взыскательна в первую очередь к себе

самой, бесстрашно раскрывая перед читателями своих стихов и статей собственные творческие муки, горести и сомнения.

(Из статьи «Сей громкий зов...»)

Б. Коркина

Поэзия для Цветаевой была не просто призванием или формой самовыражения, поэзия была для нее единственной реальностью, где она могла существовать, единственной возможностью быть в разумном и свободном мире, где все противоречия жизни решались с этической, справедливой, истинно человеческой точки зрения. Именно вера в этот мир поэзии давала Цветаевой силы не сдаться, выстоять в сокрушительных жизненных обстоятельствах.

(Из статьи «Двух станов не боец»)

А. Саакянц

Главная черта Цветаевой — бесстрашная искренность, во всем. ...Все чувства у нее достигали максимума, абсолюта. «Единоличье» чувств было девизом, начертанным на ее щите. ...С Революцией в ее поэзию проникла стихия русской народной «молви» — и в этом она признавалась сама, — и в этом смысле она не отвернулась от «громоздкой народной стихии», как было принято писать прежде, а напротив, даже рванулась навстречу этой стихии.

...Творчество Цветаевой — поистине на все «возрасты души», для всех поколений. Каждый найдет в ней свое и с годами, перечитывая, будет открывать все новое и новое — до такой степени многообразен и неисчерпаем ее страстный трагический дар. ...Очень рано она ощутила в себе некий, говоря словами Блока, «сокрытый двигатель» жизни, «тайный жар» и назвала его: ЛЮБОВЬ. ...Никогда, ни на одну минуту тайный жар не давал ей пребывать в покое: для нее это означало бы равнодушие, которого она никогда не знала сама и не прощала никому. ...Любовь была для нее действенным, активным чувством.

Как поэт она непрерывно росла и менялась — до неузнаваемости. Ее поэтический дар был поразительно многолик. Волошин считал, что ее творческого избытка хватило бы на несколько поэтов и каждый был бы оригинален. Она все могла: от романтических стихотворных пьес в духе Ростана и народных русских сказок-поэм до интимнейшей психологической лирики. ...Она упорно, подвижнически трудилась — невзирая ни на какие обстоятельства. Она была влюблена в работу над словом, в эту борьбу с ним, в поиски (часто очень долгие) единственного точного эпитета, в улавливание единственно верного ритма. ...Она никогда не подделывалась под вкусы читателей и издателей. Любое ее произведение подчинено только правде сердца. ...Сотни лирических стихотворений, восемь пьес, более десяти поэм. И около полусотни произведений в прозе: воспоминания о детстве, о семье, о современниках-поэтах, трактаты о поэзии. Можно только поражаться неугасимости этого творческого горения...

(Из статьи «Тайный жар»)